

Ранним утром из-за горных высей, раскинувшихся меж пиками Линъюнь и Тунтянь, медленно поднялось алое солнце. Вершины гор озарились мириадами ярких лучей.

Хотя уже наступила осень, буйная зелень всё ещё цеплялась за склоны, и лишь кое-где виднелись редкие золотистые и огненно-красные всполохи увядающей листвы.

Прошёл целый час, прежде чем мягкий, не слепящий свет наконец дотянулся до подножия горы и заглянул в одинокую мазанку. Пробившись сквозь прорехи в заклеенном бумагой окне, лучи скользнули по глиняному кану, осветив половину лица спящего человека.

Судя по неопрятному платью, это была женщина. Она спала беспробудным сном.

Её иссиня-чёрные длинные волосы свалились в колтуны, напоминая свисающие воздушные корни вековой смоковницы; в этих узлах скопились грязь и пыль, казалось, собиравшиеся там годами. В уголках губ запеклись бурые следы от жирной пищи, а лицо явно не видело воды очень давно.

Однако, если присмотреться, сквозь грязь угадывались утончённые черты лица, а те редкие участки кожи, что оставались чистыми, поражали белизной и нежностью.

Шэнь Цинжань перевернулся во сне, но постель сегодня показалась ему какой-то странной — мало того что жесткая и ледяная, так ещё и узкая.

Обычно на его кровати могли развалиться человек десять, а тут стоило повернуться — и он полетел вниз.

Бум! — Шэнь Цинжань рухнул плашмя на землю, чувствительно приложившись головой обо что-то твёрдое, и мгновенно проснулся от боли.

Держась за ушибленное место, он приподнялся и увидел, что разбил лбом глиняную плошку. На остром краю черепка алел свежий след его собственной крови.

По мере того как боль во лбу становилась всё нестерпимее, к Шэнь Цинжаню одно за другим возвращались чувства.

Первым, что бросилось ему в глаза, были собственные ладони — бледные, хрупкие и безжизненные. Из-за полного отсутствия физических нагрузок руки выглядели обмякшими и слабыми.

Взгляд скользнул выше: он был одет в ярко-красные рукава, испачканные какими-то непонятными нечистотами.

Беспорядочно расставленные столы и стулья, заваленная до половины ворохом одежды постель, сочащийся сыростью земляной пол... Всё это обрушилось на Шэнь Цинжаня столь внезапно, что он оцепенел добрую минуту.

Только потом в его голове зашевелились мысли: неужели его, прямо из охраняемой высокотехнологичной виллы его семьи, похитили работоторговцы и увезли в глухую глухомань?

И всё это без малейшего перехода?

Нет... Это были не его руки. Хоть он и был ленивым прожигателем жизни, но за телом следил и регулярно посещал спортзал. Его пальцы всегда были длинными и сильными, он никак не мог

превратиться в такого хлипкого слабака.

Окружающая обстановка казалась смутно знакомой. Схваченный дурным предчувствием, Шэнь Цинжань кое-как поднялся на ноги и, не обращая внимания на сочащуюся из раны кровь, рванул на себя дверь. От резкого движения дыхание перехватило.

Прямо перед ним высились два исполинских горных пика, уходящих вершинами в самые облака. Один из них густо зарос лесом, другой ошетинился острыми, причудливыми скалами.

Стоило открыть дверь — и перед глазами вставали горы. Точь-в-точь как деревня Лицзяцунь, где жила главная героиня романа «Попаданка: первостатейная крестьянка».

Шэнь Цинжань заснул прошлым вечером как раз за чтением этой книги. Обладая феноменальной памятью, он, каким бы скучным ни был текст, запоминал прочитанное с первого раза почти дословно.

«Попаданка: первостатейная крестьянка» — это была типичная легкая история о крестьянском успехе.

Главная героиня привязала к себе систему «Селекционной станции». Любые улучшенные сорта и агротехнологии двадцать первого века — система предоставляла ей абсолютно всё, в пух и прах громя местные культуры как по урожайности, так и по качеству.

Героиня по ходу сюжета лихо раздавала тумачи несносным родственникам, ставила на место зажравшихся торговцев и помещиков, попутно ведя за собой к богатству кучу младших братьев и сестёр.

Один генерал, спасаясь от погони, забрел в эти края и был спасен героиней. Как раз в это время деревенских угодий ей стало не хватать для размаха, и вместе с генералом она покинула горы.

При поддержке своего спасителя и системы она развернула масштабное сельское хозяйство в масштабах всей страны. Своей непосредственностью и упорством в обработке земли она и привлекла внимание главного героя — властного и деспотичного принца.

Тот принц, помнится, ещё состроил зловеще-очаровательную гримасу и выдал: «Женщина, а ты умеешь пускать корни».

А что до генерала... Ну, Шэнь Цинжань посчитал, что автор слишком затягивает сюжет, и пролистал глав восемьдесят, так что на этого пушечного мяса даже не обратил внимания.

В романе было два миллиона знаков, и полтора миллиона из них занимало описание полевых работ. Начиная от пары му земли, продолжая арендой целой деревни и заканчивая полным захватом аграрного, лесного, животноводческого и рыболовного секторов страны...

Шэнь Цинжань читал это до тех пор, пока не вырубился, так и не поняв, в чём же заключается удовольствие от такой литературы.

Сам он был богатым наследником, который и пальцем о палец не ударил за всю жизнь, тяжелее ложки ничего не поднимал, в земледелии не смыслил и физический труд презирал всем сердцем.

Пахать в поле для него было чем-то из области ненаучной фантастики. Если бы ему пришлось

стать этой главной героиней, он бы предпочёл сразу умереть.

Шэнь Цинжань вообще взялся за эту книгу только потому, что не смог отличить шпинат от латука, за что был высмеян младшей сестрой. Именно она подсунула ему роман, велел посмотреть, как чужие героини полагаются на собственные силы и поднимают целину.

Шэнь Цинжаню было скучно, но, едва перевернув несколько страниц, он лишь диву давался. Подумать только: главная героиня — бывший офисный клерк из мегаполиса, но, едва превратившись в шестнадцатилетнюю деревенскую девчонку, внезапно обнаруживает в себе великие таланты.

Она и тофу делать умеет, и дома строить, и огонь разводить, и шелкопрядов выращивать, и корзины из бамбука плести, и сахар выжимать, и удобрения заготавливать, и цыплят выводить...

Никакого реализма! — плевался Шэнь Цинжань.

Зато ему до глубины души запомнился побочный персонаж — злобная второстепенная героиня из первых глав. Она служила абсолютным контрастом для идеальной главной героини.

На самом деле этот персонаж был парнем, но настолько ленивым и прожорливым, что даже родная мать не выдержала.

В древние времена, когда сыновей превозносили выше дочерей, мать умудрилась переодеть единственного сына в женское платье и выдать замуж вместо его старшей сестры.

«Наша семья бедна, мы не сможем кормить тебя всю жизнь. Парень из семьи Ли как раз вернулся со службы, пять лет воевал, поговаривают, принёс с собой кучу денег. Твоя сестра была помолвлена с ним ещё с колыбели. Хотя его родителей уже нет в живых, брачный обет всё ещё в силе».

«Будешь притворяться немым. Спать ляжете в разные постели. Если он прознает, что ты мужчина, и откажется тебя содержать — подохнешь с голоду», — сурово грозила ему мать, а мгновение спустя уже утирала слёзы, жалобно причитая: «Мы с твоим отцом уже одной ногой в гробу. Когда мы уйдём, что с тобой будет? Материнское сердце не от хорошей жизни толкает тебя на это в горы. Если бы ты хоть немного работал, не пришлось бы девкой притворяться».

«Лже-героиня» оказался парнем ветреным и от перспективы притворяться немым был не в восторге: «У нас же есть Данюй и Эрюй. Вы померёте, а они останутся, неужто куском хлеба брата обделят?»

Мать тогда вlepила единственному сыну звонкую пощёчину: «Они обе замуж повыходят, им не до тебя будет! И потом, тебе разве просто кусок хлеба нужен? Тебе каждую трапезу подавай курицу да утку, сестёр обделяешь, ни кусочка не оставишь! Сам Владыка Небесный не так разборчив в еде, как ты. Если есть гордость — убейся о стену да переродись принцем каким-нибудь, а коли кишка тонка — марш замуж!»

«Мать тебе дело говорит: парень из семьи Ли побогаче наших будет, да и парень он честный. С ним будешь сыт и доволен. Он солдат, силы хоть отбавляй, если что надо — помыкай им, да и всё».

Матушка Шэнь умело чередовала кнут и пряник, окончательно заморочив сыну голову, так что тот сам преисполнился радужных ожиданий.

Однако парень из семьи Ли по какой-то причине хотел расторгнуть помолвку и даже выложил двадцать лянов серебра в качестве компенсации. Двадцать лянов — сумма немалая, семья из пяти человек могла безбедно бездельничать несколько лет.

Но матушка Шэнь смотрела далеко вперед. Она прекрасно понимала: с её прожорливым сыночком даже двести лянов растают меньше чем за год. Раз уж этот парень Ли так богат, сбыть ему сына с рук — самый лучший выход.

В итоге расторгнуть помолвку не удалось, и «лже-героиня» переехал в деревню Лицзяцунь. Ему даже не пришлось ничего придумывать — новоиспечённый муж сам первым делом предложил спать в разных комнатах.

После свадьбы «героиня» развернулся вовсю: капризничал, язвил и помыкал мужем, точно скотиной.

Пользуясь своей миловидной внешностью, он подговаривал деревенских бездельников портить посевы главной героини. Даже когда та проучила его, он не внял уроку.

В конце концов, муж не выдержал и выставил его за дверь, дав развод.

Лишившись источника пропитания и в одночасье промотав все деньги, оставленные мужем, этот персонаж одной тёмной ветреной ночью дошёл до крайней степени голода. Не выдержав, он наглотался росших у стены диких грибов, отравился и умер. Труп обнаружили только тогда, когда он начал смердеть.

Этого персонажа звали точно так же — Шэнь Цинжань.

«Пусть я и не такое чудовище, как этот парень, но его нежелание копаться в земле до самой смерти мне очень близко», — подумал Шэнь Цинжань.

Окажись он на месте этого героя, рано или поздно тоже протянул бы ноги от голода. Умереть от собственной лени — в этом тоже есть своего рода твердость характера.

Но ведь теперь он сам стал этим персонажем!

И ладно бы он только-только вышел замуж, так нет — момент времени оказался до крайности неловким.

По сюжету книги, три дня назад муж окончательно разглядел истинное лицо своей благоверной и решил «вернуть товар». Под предлогом того, что Шэнь Цинжань тяжело болен, он вызвал в дом матушку Шэнь и потребовал развода.

Семья Шэнь ещё десять лет назад перебралась в другую деревню, путь туда был неблизким. Избавившись от обузы, они планировали снова сняться с места и оборвать все связи: во-первых, чтобы обман с подменой не раскрылся, во-вторых — чтобы зять не вздумал передумать.

Они ещё не успели всё подготовить, как вдруг пришла весть о болезни сына, и материнское сердце всё же не выдержало — она приехала навестить его.

Услышав о разводе, матушка Шэнь устроила знатное представление. Она каталась по полу, истошно вопила и причитала, заявляя, будто этот негодяй Ли уже лишил её дочь невинности, а теперь позорно выгоняет.

Мол, порченную девку никто замуж больше не возьмет, и ей останется только податься в монахини!

«Есть ли у тебя совесть, бесчувственная ты скотина?! Когда твоя покойная мать слегла, именно наша семья Шэнь одолжила твоему отцу двадцать вэней на лекарства, благодаря чему ты и на свет-то появился! И что теперь? Разбогател, в люди выбился и нос воротишь?! В народе говорят: жену, с которой делил нужду, не выгоняют из дома! Люди добрые, рассудите нас... Бедная моя доченька!...»

«Доченька» при этом жалобно всхлипывал в сторонке, напуская на себя самый незащитный вид.

Муж стоял рядом с черным от ярости лицом, не в силах вставить ни слова в свое оправдание. Дело с разводом замялось само собой.

Разозлённый до крайности, он в тот же день примкнул к деревенским торговцам лекарственными травами и уехал по делам, пообещав вернуться только через десять дней.

Сегодня был восьмой день.

Шэнь Цинжань мгновенно занервничал. Стоило ему пару раз съязвить по поводу отсутствия реализма в книге, как судьба сыграла с ним такую шутку.

И как теперь расхлёбывать эту кашу?

Подражать главной героине, ухватиться за сюжет и совершить головокружительный камбэк?

Резко изменить характер, заставив всех разинуть рты от удивления?

Шэнь Цинжань в раздражении опустил на порог, тяжело дыша.

Да в этой книге нет никакого к черту сюжета, сплошное фермерство! Главная героиня поднялась на копании в грядках, а он в этом ни ухом ни рылом!

Что ж, остаётся только умереть с голоду, как оригинальный персонаж.

А ведь есть и правда хочется...

Он побрёл на кухню, перерыл всё вверх дном и обнаружил, что, кроме горстки риса на самом дне, там шаром покати.

Зато на столе возвышалась целая гора куриных костей. Судя по количеству, сожрана была далеко не одна птица, и объедки семидневной давности так и гнили здесь. Вокруг с жужжанием вились мухи, а из угла пованивало, как из сточной канавы.

Шэнь Цинжань хлопнул себя по лбу, вспомнив подробности.

В книге говорилось, что в отсутствие мужа оригинальный владелец тела пустился во все тяжкие и сожрал всё, что было в доме.

По идее, один человек столько смолотить не мог, но парень был слишком ленив: чтобы съесть курицу, нужно её зарезать, ощипать, развести огонь, приготовить — процесс чересчур мудрёный. Поэтому он просто позвал нескольких деревенских бездельников, чтобы те сделали за него всю грязную работу, а в награду предложил им разделить трапезу.

Для вечно голодных деревенских парней это было роскошное предложение, так кто бы отказался?

За считанные дни куры и утки, выращенные хозяином дома, овощи с огорода и припрятанное серебро, о котором пронюхал этот паразит, были пущены по ветру. От бывшего хозяйства остались лишь перья во дворе, гора костей на столе да полкувшина риса.

Словно стая саранчи прошла.

При мысли о том, что послезавтра этот грозный хозяин вернётся, у Шэнь Цинжаня разболелась голова.

«Это честное слово сделал не я», — мысленно запричитал он, надувшись от обиды, точно рыба-шар.

От тела уже вовсю разило. Обыскав дом, Шэнь Цинжань так и не понял, как разводить огонь, поэтому, стуча зубами от холода, наскоро обмылся ледяной водой.

Оттерев лицо дочиста, он столкнулся с новой дилеммой — одеждой.

В комнате прежнего хозяина царил такой хаос, что свинарник по сравнению с ней казался верхом чистоты: все вещи были грязными, скомканными в узлы и заброшенными по углам. Возвращаться туда Шэнь Цинжаню не хотелось совершенно.

Подумав немного, он подошёл к двери соседней комнаты и толкнул её.

Не поддалась. Заперто.

Шэнь Цинжань вежливо улыбнулся: «...Что ж, вполне объяснимо».

Обойдя дом кругом, он заметил, что окно приоткрыто, и поспешно перелез через подоконник. Здесь была полная противоположность его берлоге: идеальный порядок, чистая постель, один шкаф, стол и табурет. Никаких лишних вещей, а одеяло сложено так аккуратно, словно кубик тофу — сразу видно человека, много лет проводшего в армии.

Шэнь Цинжань открыл платяной шкаф, чувствуя себя неопытным воришкой.

Он торопливо пробормотал про себя: «Мы всё-таки супруги, как-никак супруги... Не приди сюда я, твоя «благодарная» с его талантом транжиры разнес бы и эту комнату».

Мысленно попросив прощения, он выудил из шкафа самое поношенное одеяние и набросил на себя.

Готовить Шэнь Цинжань не умел. Урча от голода, он сидел на пороге, подперев подбородок руками, и созерцал плывущие над горными пиками облака, сокрушённо вздыхая раз за разом.

Он смутно помнил из книги, что деревня Лицзяцунь находилась в такой глуши, что пешком до цивилизации нужно было топать сутки напролёт.

И это если не собьёшься с пути.

Шэнь Цинжань трезво оценивал выносливость этого тщедушного тела.

«А может, стоит поучиться у прежнего хозяина?» — подумал он.

Он провалился на постели, пока солнце не поднялось в зенит. Прихватив с собой мешочек с жалкими остатками риса, парень вышел за порог.

Обменять сырой рис на готовую еду — гениальный план.

Деревня Лицзяцунь была отрезана от мира: две тянущиеся без конца горные гряды сходились именно здесь, упираясь в пики Линъюнь и Тунтянь. Дом оригинального владельца тела стоял у самого подножия, особняком, на приличном расстоянии от остальных деревенских дворов.

Пройдясь окольными путями мимо бескрайних полей, Шэнь Цинжань наконец завидел кучкующихся крестьянские дома.

«Странно, время обеденное, а все до сих пор в поле спины гнут? Домой обедать не собираются, что ли?»

Шэнь Цинжань, этот переодетый в женщину фальшивый немой, мог только хоронить свои вопросы при себе.

Работавшие в поле жители деревни время от времени разгибали спины. Заметив Шэнь Цинжаня, они сначала недоумевали, но затем их лица выражали удивление и внезапное озарение.

Деревенские редко видели Шэнь Цинжаня таким чистым и опрятным, поэтому едва его узнали. Стоило ему умыться, как открылись ясные глаза и белоснежные зубы, а вся былая глупость с лица исчезла.

Он выглядел настолько нежным и благородным, что совсем не походил на порядочную замужнюю женщину. Постоянно зазывает в дом оравы посторонних мужиков пожрать — кто знает, чем они там ещё занимаются? Да и муж у него — нелюдимый молчун, тоже тот ещё чужак.

С этими мыслями крестьяне один за другим одаривали его брезгливыми и полными отвращения взглядами.

Шэнь Цинжань постучал в одну из дверей. Когда ему открыла молоденькая девушка, он принялся на пальцах объяснять свою просьбу.

Отдать полцзиня риса за плошку готовой еды — сделка более чем выгодная. Взгляд Шэнь Цинжаня лучился искренностью.

Девушка не отрывала взгляда от риса в его руках, ей очень хотелось согласиться, но она сказала:

— У нас дома не осталось готовой еды.

В бедных семьях варили ровно столько, чтобы едва хватило на один раз.

Шэнь Цинжань растерялся. «Разве я не к обеду подоспел?!»

Вспомнив работающих в поле крестьян, он вдруг сообразил: в древности люди, кажется, ели всего два раза в день! Примерно в девять утра и около четырёх часов дня.

В животе пронзительно заурчало, лицо Шэнь Цинжаня приобрело землистый оттенок.

Он состроил жалобную гримасу, глядя на девушку.

«Хотя бы объедки какие-нибудь найдутся?»

Девочка растерялась ещё сильнее:

— Тоже нет...

— А давай так: я приготовлю из твоего риса, а ты поделишься со мной половиной, — предложила она.

Девочка всё утро стирала белье и сама уже изрядно проголодалась.

«Какая сметливая девчушка!» — обрадовался Шэнь Цинжань и охотно вручил ей мешочек.

Спрятав руки в рукава, он поплёлся следом за ней на кухню. С любопытством городского жителя он наблюдал, как она ловко ударяет огнивом по кремню. Сноп искр мгновенно поджёт трут, и показалось живое пламя.

Шэнь Цинжань намотал это на ус, продолжая прилежно учиться выживанию.

— Чуньхуа, это с кем ты там по углам шушукаешься? — раздался голос её матери, госпожи Цай, которая как раз вернулась с поля.

Складывая мотыгу, она вдруг уловил тонкий аромат свежесваренного риса. Лицо её перекосилось, и она вихрем влетела на кухню:

— Ах ты негодная девка, чтоб тебе пусто было! Мать горбатится в поле, не жалея сил, а ты тут втихаря жрать удумала? Совсем мать ни во что не ставишь!

Госпожа Цай с шумом втянула воздух, с трудом сглотнув слюну. Эта паршивка умудрилась сварить чистый, белый рис без примесей!

Она рванула крышку котла и, увидев отборное зерно, хищно прищурилась. Только в этот момент она соизволила заметить стоявшего рядом Шэнь Цинжаня.

С громким хлопком госпожа Цай опустила крышку обратно, сорвала с рук холщовые поручи и принялась без разбору охаживать ими дочь:

— Кого ты притащила в дом?! А?! Замуж передумала выходить?! Насмотрелась на эту потаскуху, которая чужих мужиков хвостом манит, и туда же?! Ну и пакость! На всю деревню Лицзяцунь одна такая блудница выискалась, все порядочные люди её десятой дорогой обходят, а ты её к порогу ведешь!

Чуньхуа с пискom уворачивалась от ударов. Она знала, что с Шэнь Цинжанем в деревне никто не общается, боясь запятнать репутацию. Но рис, который он принес, был отборным, купленным в городе, тогда как её семья давилась кашей из отрубей пополам с шелухой. Она слишком долго облизывалась на такую еду.

Все мысли Шэнь Цинжаня были прикованы к котлу. Лишь спустя какое-то время до него дошло, что ругань госпожи Цай направлена в его огород.

Заслонив собой Чуньхуа, он, измученный голодом и не имея сил пререкаться, просто открыл крышку котла и принялся перекладывать рис в свою плошку, не забыв оставить ровно

половину для девочки.

Увидев, что у этого наглеца нет ни капли стыда, госпожа Цай ловким движением вырвала плошку у него из рук и с криками принялась выталкивать Шэнь Цинжана за дверь:

— Проваливай к своим хахалям побираться! Это теперь рис моей семьи!

Раз уж рис попал в её котел, делить его с тем, кто наставлял мужу рога, она не собиралась.

<http://bllate.org/book/17933/1718894>